

Э.Л. Трикоз, О.Н. Анфимова
Музей-квартира В.И. Белова (Вологда)

Л.Л. Ефремова
Государственный архив Вологодской области

ДРУЖБА ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ: ВАСИЛИЙ БЕЛОВ, ФЁДОР АБРАМОВ, ВИКТОР АСТАФЬЕВ*

В статье на основе эпистолярных и мемуарных свидетельств, архивных и музейных документов освещены истории отношений Василия Белова с выдающимися писателями, представителями деревенской прозы – Фёдором Абрамовым и Виктором Астафьевым. Часть документов впервые вводится в научный оборот.

В.И. Белов, В.П. Астафьев, Ф.А. Абрамов, архив, литературный музей, Музей-квартира В.И. Белова, русский писатель, деревенская проза, архивный документ, музейный фонд.

Сразу после поступления в Литературный институт имени Горького Белов начал вести очень активную творческую жизнь, благодаря Александру Яшину познакомился со многими писателями старшего поколения, в том числе с писателями, прошедшими войну – Ф.А. Абрамовым (1920–1983), А.Т. Твардовским (1910–1971), Е.И. Носовым (1925–2002), которые оказались не столько наставниками, сколько товарищами Белова, во многом разделявшими творческие и земные убеждения писателя. Этот круг общения был необходим молодому писателю, сыграл важную роль в его судьбе.

К беловским друзьям и товарищам старшего поколения относятся А.Я. Яшин, А.Т. Твардовский, В.Ф. Тендряков, С.В. Викулов, Ф.А. Абрамов, С.С. Орлов, В.П. Астафьев. «Единомышленное братство» знало его как начинающего автора, видело его сильные и слабые стороны. Эти писатели увидели в нем скромного и искреннего человека, хорошо осознававшего душевное богатство, самобытность и талант русского человека из народа, хранителя Родины, великой Руси.

Достаточно прочитать отрывок из статьи Евгения Ивановича Носова «Путь к истоку. Слово о моем друге», чтоб понять, что стало причиной судьбоносного совпадения путей этих писателей. Носов говорил, что зачарованность беловским словом породила в нем чувство неодолимой любви к его земле, к людям, населяющим эту землю: «Так слилась моя степная родина с его лесной, как слилась она с прекрасными отчими краями других моих многочисленных друзей от Карелии до Дальнего Востока в нашу общую большую Россию. Правдивое и чистое слово художника не может принадлежать узкому землячеству, подобно деревенскому стоячему колодцу. Напротив, подлинное искусство как река, сначала родившаяся где-то из-под укромного бережка, подкрепленная единомышленным братством влившихся притоков, течет полноводно и открыто для всех, всяк имеет дос-

туп испить из нее...» [21, с. 8]. Творчество этого братства породило в Белове «потребность довериться слову», помогло сформировать свой собственный голос, утвердиться в деревенской прозе.

Каждый из них повлиял на формирование творческой личности писателя, поэтому отдельно следует говорить о дружбе Белова с каждым. Эта статья посвящена отношениям Василия Ивановича с Фёдором Абрамовым и Виктором Астафьевым.

Чтобы понять, какие превращения произошли в людях, связанных дружбой, как дружба повлияла на обоих и какие творческие результаты появились в результате этих отношений, нужно взвесить многие факты периода общения. Когда речь идет о людях, ушедших из жизни, разумеется, полной картины дружбы составить не получится потому, что всех тонких вещей, неуловимых деталей общения мы не знаем и, может, уже не узнаем: как друг другу пожимали руки друзья, какие пели песни, когда собирались в узком кругу, как смотрели друг на друга в минуты принятия важного решения, какие жизненные обстоятельства могли быть причиной позвонить друг другу в поздний час и др.

Психоаналитик Карл Юнг говорил, что встреча двух людей как встреча двух химических элементов: реакция может и не произойти, но если произойдет – изменяются оба. И эти изменения проявляются во всем. Встречи преобразуют людей, формируют общие творческие маршруты. Насколько повлияли на Белова отношения со старшими товарищами по перу Астафьевым и Абрамовым, попробуем поразмышлять на том материале, который опубликован в воспоминаниях современников, который нам удалось найти в музейном и архивном фондах в Вологде. Для глубины осознания того, какой была дружба, важно все.

Василий Белов и Фёдор Абрамов

«Мощный, суровый, эпичный Фёдор Абрамов», – таким видел композитор Георгий Свиридов писателя [9, с. 125]. Абрамов «за свой срок прожил несколько жизней: был крестьянином, солдатом, пролил кровь за

* Фонды Музея-квартиры В.И. Белова и Государственного архива Вологодской области

Отечество, взмошел к вершинам науки – литературоведения, и все увенчал заслуженной славой народного писателя». Первая и последняя характеристики личности совпадают с беловскими.

Белов, по словам Г.В. Свиридова, был «возвышенно-поэтическим» (мощным и эпичным – в зрелости!), но при этом верным своему внутреннему чувству правды, сопричастен деревенскому ладу. Не случайно в предисловии к «Ладу» он прописал: «...я старался рассказывать лишь о том, что знаю, пережил или видел сам либо знали и пережили близкие мне люди». За верность себе его очень ценил Абрамов.

В сборнике «Жребий» ленинградского писателя Глеба Горышина находим: «Уж кого любил Фёдор Абрамов со всей доступной ему нежностью, так это Василия Белова, но и тут никогда не распространял любовь на оценки тех или других сторон творчества Белова, применял в оценках свою меру строгости... К наставничеству старших писателей над молодыми Абрамов относился не то чтобы отрицательно, нет... Но постоянно гнул свою линию: литературная школа, навык – дело второе, главное же для каждого идущего в литературу – его человеческая судьба, степень сопричастности с делами земными, социальный опыт, гражданский темперамент». Абрамову было по душе то, что Белов, будучи молодым писателем, «знал правду жизни и не боялся ее говорить» [10, с. 143]. Пожалуй, и отношение к наставничеству у Василия Белова было похоже: для него важен был социальный опыт и опыт души пишущего.

Опираясь на воспоминания Ольги Сергеевны Беловой, писателей Александра Цыганова, Владимира Крупина, Анатолия Грешневинова, Владимира Личутина, Валентина Распутина, литературоведа Игоря Золотусского, подробно расскажем о дружбе писателей.

Игорь Золотусский, российский историк литературы, писатель, критик вспоминал: *В дни 60-летия Фёдора Абрамова. Отмечались они в Ленинградском Доме писателей, которым сразу после перестройки завладел какой-то расторопный олигарх.*

В зале сидели Абрамов, его фронтовые друзья, писатели. Фёдор Александрович посадил Белова на сцену, где тот, совсем не «по рангу», оказался рядом с завсегдатаем президиумов Сергеем Михалковым...

Абрамов сказал, что отвел Белову это почетное место, потому что тот самый талантливый из присутствующих здесь писателей. В число присутствующих он включил и себя [13, с. 269].

И этот публичный комплимент был не случаен. В воспоминаниях Игорь Золотусский признает факт: не сразу поверивший в большое будущее прозаика, Абрамов уже в 1966-м году считает его большим писателем: *Кажется, летом 1966 года мне позвонил из Ленинграда Фёдор Абрамов и сказал: «Найди журнал «Север» и прочти повесть Белова «Привычное дело». Большой писатель на Руси идет. И это произошло три года спустя после непродолжительной переписки с молодым автором и нескольких встреч с Беловым.*

В книге Владимира Корюкаева «Самородок из Тимоники: Жизнь и творчество Василия Белова» сказано о начальном периоде дружбы писателей: *С Беловым Абрамов познакомился по переписке. Белов, еще будучи студентом Литинститута, поддержал очерк*

Абрамова «Вокруг да около», за который писателя резко критиковали, в том числе земляки. Также Белов сообщает Абрамову, что всей семьей читали «Братьев и сестер». «Моя мать и мои братья и сестры – это Ваши братья и сестры, вологодские крестьяне». Это было напечатано в журнале «Нева» за 1963 год. В том же номере был опубликован рассказ Белова «Люба-Любушка», который Абрамову понравился [15].

Из цитаты видно, что между Василием Беловым и Фёдором Абрамовым сразу установились эмоциональные связи, обнаружилось сходство личностных смыслов в восприятии и отражении действительности, сходство жизненных позиций, связь писательских приоритетов и ценностей.

Узнавание своего человека – важная вещь, особенно в 1950–1970-е гг. для писателей – выходцев из народа, деревни. В них продолжало жить понимание: *Деревня – это община, все жители, как клеточки в организме, взаимосвязаны. Если страдает одна клеточка, с ней немоществует и другая. Благоденствует один житель деревни, с ним благо получают и другие. Здоровые клеточки крепят доброе взаимоотношение в деревне, а от этого крепче становится и вся деревня, и наоборот...* [3, с. 15–16]. Веками сформированный общинный дух в городах перерождался в особого рода дружбу, основой которой были общие образы и духовные скрепы.

Известный факт, что Василий Иванович Белов всех гостей Тимоники – своих! – покорял деревенской баней – «чистилищем души и тела», которая то самое поколение деревенских, перебравшихся после войны в город друзей, отогревала во всех смыслах, сближала, раскрывала. В ней грелся и Фёдор Абрамов, будучи в гостях у писателя, в ней у друзей состоялся и разговор по душам. Для Белова баня была «приглашением к душевному, откровенному разговору и очередному приезду гостей». И не только...

Как пишет в книге Анатолий Грешневинов «Сто сорок писем Василия Белова»: «Каким помощником в творчестве явилась баня, однажды Белов признался Фёдору Абрамову: “Я каждое время года баней меряю. То есть всё через баню: и осень, и зиму, и весну, и лето. Стоит мне только представить, как я выхожу из бани, и я с особенной силой, прямо-таки физически начинаю чувствовать и запах травы, и запах земли, и запах дождя и воды. И небо, и снег вижу иначе... Я, между прочим, так всегда и делаю, когда пишу пейзаж и человека: воображаю себя вышедшим из бани, и тогда сразу спадает с вещей вся пыль и короста повседневности”» [9, с. 84]. Только в месте, где «будто бы весь начинаешься снова» (из стихотворения Анатолия Передреева «Баня Белова») и могут состояться такие откровенные разговоры.

Следует заметить, что в отношениях с Абрамовым Белов первым показывает, что признает и принимает Абрамова как своего, несмотря на разницу в возрасте, профессиональный писательский уровень. (В.И. Белов в период своего студенчества вполне годился Ф.А. Абрамову в ученики). И эту открытость очень спокойно, даже прохладно принял бывший фронтовик, ученый, преподаватель ЛГУ Фёдор Абрамов или, может, просто не сразу ее отрефлексировал и живо на нее ответил (по разным причинам). Напри-

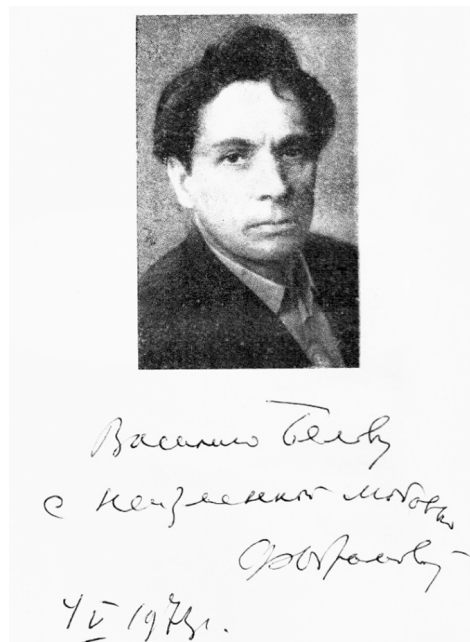
мер, только после упоминания Беловым в первом письме того, что в «Неве» 1963 года в одном номере были опубликованы повесть Абрамова «Вокруг да около» и «рассказишко» Василия Ивановича «Люба-Любушка», Фёдор Александрович вчитывается в рассказ Белова, но не находит в нем силы, «потрохов бытия»: *Написан рассказ был тонко, лирично, очень профессионально, но, может быть, несколько традиционно, без выворачивания всех потрохов деревенского бытия, а я тогда превыше всего в литературе ставил «голую» правду жизни* [1, с. 92]. Не находит, потому что в период обучения в Литературном институте им. Горького Белов был больше лириком, хотя и позже во многом он оставался поэтом. А без указания на это совпадение (издание произведений в одном номере журнала) Абрамов, возможно, и не прочитал бы, не всмотрелся в авторский текст.

Александр Александрович Цыганов – вологодский писатель и редактор Белова – рассказал музейным сотрудникам во время беседы летом 2019 года, что этот момент Василий Иванович не раз вспоминал, когда обсуждали поэтичный рассказ «Люба-Любушка», отметив, что Абрамов не стал притворяться, был честным, и сказал «не читал». А Белов надеялся на чуткость, внимание да или просто то самое узнавание своего через текст и встречу. Конечно, в московский период В.И. Белов находился на этапе поиска себя, писательского «я» через другого писателя, на этапе формирования своего окружения – надежного творческого круга. В этот период его главным проводником в мир писателей и мудрым советчиком был Александр Яшин. Он и познакомил Белова с Абрамовым.

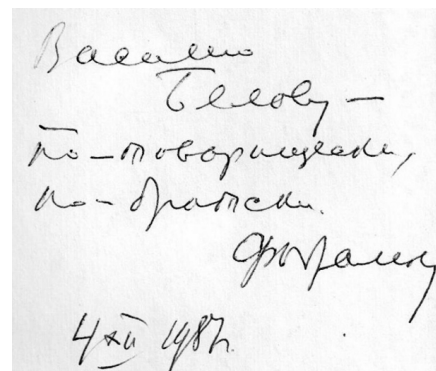
О «распахнутости» студента В.И. Белова Фёдор Абрамов напишет в своем очерке «Деревеньку зовут Тимониша» 1982 года: *Помню, Александр Яшин, первым разглядевший в Белове будущую звезду нашей прозы, был без ума от своего молодого земляка, он даже и называл-то его не иначе как Василий Иванович, а я, глядя на этого самого Василия Ивановича, на редкость моложавого, тогда еще гололицего, без нынешней, всем известной бороды, очень стеснительного, с камешком-картавинкой во рту, одним словом, выглядевшего сущим мальчишкой, не мог побороть улыбки, и Яшин, помню, очень злился на меня, просто выходил из себя. Нет, нет, оригинальность Василия Белова я оценил сразу: у кого еще в мире такие глаза – широко распахнутые, младенчески простодушные и в то же время скорбные, налитые тревогой и болью за все живое на Земле* [1, с. 92]. В этой цитате Фёдор Абрамов будто нарочно, даже как-то по-стариковски уходит от серьезного комментирования того, что он понимает под оригинальностью Белова. Просто говорит о глазах писателя.

Первоначально дружба Абрамова и Белова выросла из отношений читатель – писатель. Сближение, или интимизация отношений, началось после 1966 года – после публикации «Привычного дела». Народное признание писательского мастерства В.И. Белова «стёрло» формальные границы прежних статусов (старший – младший, учитель – ученик, начинающий – опытный)¹.

¹ Авторы присылают друг другу тексты, в переписке товарищески обсуждают опубликованные произведения. Абрамов

Подпись Абрамова в книге. 1973 г.
(из фондов Музея-квартиры Белова)

Подпись Абрамова в книге. 1987 г.
(из фондов Музея-квартиры Белова)

В этот период писатели, как публичные персоны, стали на равных, и это было несколько неожиданно для Фёдора Абрамова: *Не знаю, под каким названием и под чьим именем войдет в историю литературы 1967 год, а для меня это год «Привычного дела», год Василия Белова. Такого на моем веку, пожалуй, еще не было* [1, с. 93].

Если мы посмотрим на дарственные подписи Абрамова к Белову в книгах из библиотеки Василия Ивановича, то увидим: во-первых, подаренные абрамовские книги – преимущественно издания 1970–1980-х гг.; во-вторых, в текстах самых ранних трех инскриптов так или иначе содержится выражение любви: «с искренней любовью», «с неизменной любовью», «любимому писателю». Приведем тексты этих инскриптов:

1. «Василию Белову с искренней любовью Ф. Абрамов. 9 IV 70 г.» («Сосновые дети», 1970 год).

прислушивается к мнению Белова, спорит с ним: «10 октября 1969 г. Получил письмо от Белова. Упрекает за обличительство в «Пелагее». Дескать, и без тебя хватает у нас обличителей. Но где, какое обличительство в «Пелагее»? Я никогда в жизни своей не занимался этим ненужным делом...» [2, с. 23].

2. «Василию Белову с неизменной любовью Ф. Абрамов. 4 V 1973 г.» («Последняя охота», 1973 год).

3. «Василию Белову – другу, любимому писателю. [подпись Ф. Абрамова] 29 ноября 1975. Ленинград» («Братья и сестры. Две зимы и три лета», 1975 год)².

Более поздние сдержанны, спокойны, указывают больше на товарищескую связь, возможно, от того, что все больше именно дела объединяли этих людей, возможно, болезнь Абрамова отбирала энергию проявлять чувства.

1. «Василию Белову от Фёдора Абрамова 14/XII.79 г. [подпись Ф. Абрамова]» («Дом», 1979 год).

2. «Василию Белову – по-товарищески, по-братски. [подпись Ф. Абрамова] 4. XII. 1987 г.» (Сборник рассказов «Бабилей», 1981 год)³.

Ответом на книгу «Дом» было короткое письмо Белова к Абрамову (опубликовано в книге «Земля Фёдора Абрамова»): *Дорогой Фёдор Александрович! Много ты сумел сказать в «Доме». Спасибо. Я почувствовал и какое-то личное облегчение: Абрамов сделал то, что теперь уже делать не надо. Поскольку дело сделано...* Комментируя это письмо, писатель Анатолий Грешневикум сказал: «поддержал друга так, как мог только Белов» [9, с. 113].

Есть в библиотеке Музея-квартиры В.И. Белова еще одна дарственная надпись. В 1990 году Василий Иванович получает в качестве подарка книгу «Дом в Верколе. Документальная повесть»⁴ от жены писателя Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой, в ней на титульном листе написано шариковой ручкой: «Дорогому Василию Ивановичу на память о Фёдоре. 21.VI.90 г.» (В книге есть упоминания о В.И. Белове: «Из намеченного он успел написать и опубликовать очерки о “Севере” и о Белове. Остальное осталось в рукописных заметках...» [17, с. 356]). И это свидетельство того, что писательская дружба была гораздо шире – дружили их семьи.

В этом году на встрече в музее-квартире О.С. Белова рассказала (13.05.2019): *Сколько интересных людей я видела, тот же Дмитрий Лихачёв, положим. А писателей! Самыми близкими друзьями был Яшин, прежде всего. Яшин тоже был такой же независимый, резкий – мне кажется, он тоже на него повлиял. Я считаю его хорошим другом Фёдора Абрамова. Хотя они иногда расходились во взглядах на крестьянство: Василий Иванович считал, что государство виновато в разорении деревни, а Абрамов говорил, что и сами мужики ничего не делают. У них на этой почве проходил спор, но они любили друг друга. Изумительный человек Фёдор Абрамов, пожалуй, самый порядочный и самый интересный.*

За время двадцатилетней дружбы, известно, что семья Беловых часто останавливалась в ленинградской квартире Абрамовых, когда была в северной столице. Абрамов отговаривал Василия Белова снимать номера в гостиницах, всегда ждал у себя его для

общения. С Беловым, по словам Ольги Сергеевны, он больше обсуждал политику, с ней говорил о школе, преподавании литературы, они обсуждали литературоведческие темы. Писатели дружили семьями, и это отчасти смягчало их периодические дружеские разрывы.

В воспоминаниях Золотусского, Корюкаева, Распутина отмечено, что Абрамов хвалил Белова, защищал, если это было необходимо, – на правах старшего. По-простому, по-свойски обращался к нему в письмах с просьбами. На первый взгляд многие выражения в письмах Абрамова к Белову даже могут показаться читателю грубыми, обидными, но, по-видимому, подобные выражения, как и отцовский, «свойский» тон, были нормой в общении писателей. Абрамов давал Василию Белову «пятаки» на жизнь. Из письма: *Так вот: пятаки у меня есть, и ты, пожалуйста, не надрывайся. Тебе еще придется со временем подкармливать меня. Да, да, придется, свет стоит на взаимовыручке.* Вот она (не утраченная в городе) деревенская доступность, отзывчивость, чуткость, привычка жить на виду, кроме того – доверие к младшему в общине, готовность в любой момент передать свои полномочия. Так и произошло: *Не стало Абрамова – и пошел к трибуне Василий Белов и продолжил то, на чем кончил в последний раз Фёдор Александрович. Когда нужно было сказать, он не оглядывался, кто рядом, свой или чужой... правда гонится для всех* [24, с. 137].

Белов пошел к трибуне сразу после смерти Фёдора Абрамова, потому что ему и по старшинству, и по писательскому и общественному рангу следовало передоверить в этой крепкой общине народных писателей право стоять у трибуны. На тот момент уже не было в живых близкого друга-земляка и наставника Александра Яшина (умер в 1968 г.), старшего товарища и помощника Александра Твардовского (1971 г.). Ему – потому что не было доверия к тем, кто был чужой, со стороны.

Из книги Владимира Крупина «Море житейское» о похоронах Фёдора Абрамова: *Человек из обкома не хотел давать выступить Василию Белову. Жена Абрамова, уже вдова, Людмила Александровна, ворвалась в комнату президиума, где нам повязывали траурные повязки для почетного караула, и во всеуслышание заявила: «Если не дадите слова Белову, я вам прямо у гроба скандал устрою!»* [16, с. 84].

Подтверждением служат и слова Владимира Личутина о речи Белова в день прощания с Ф.А. Абрамовым в мае 1983 года: *Выступил Белов. Его ждали с нетерпением, он не мог сказать ложного и высокопарного. Обсекая слова судорогою горла, он сказал, что виделся с Абрамовым совсем недавно, у них был сложный разговор о переброске северных рек, и проект этот покойный ныне Фёдор Александрович назвал неслыханным цинизмом; Белов не сдержался, заплакал, и многие в зале тут не стерпели, завсхлипливали, не стыдясь слез своих. И чем проще говорил Белов, тем больше нарастало горести в нас и тем ярче и больнее воспринималась утрата.*

Не случайно Распутин в очерке 1987 г. написал про Абрамова: «Никакого сомнения: в том, что происходит теперь по возрождению русского поля в ши-

² Фондовые номера указанных книг: КБИАХМЗ МКБ КП-2508, КП-585, КП-592.

³ КБИАХМЗ МКБ КП-2639, КП-2679.

⁴ КБИАХМЗ МКБ КП-4769.

роком смысле, и его работа, в которой он себя не жалел, и его правда... [20, с. 435].

Процитированные фрагменты из воспоминаний современников рисуют нам такую картину о дружбе писателей... Какими словами ее для себя описывал Василий Иванович – не известно. Так и остались только в планах Белова воспоминания о Яшине, Абрамове, Рубцове и Твардовском (Это известно из беловского текста «Тяжесть креста...»). Василием Ивановичем написаны лишь воспоминания о композиторе Валерии Гаврилине и Василии Шукшине.

Интересно, каким Белов, например, описывал Шукшину Фёдора Абрамова? Какими в их разговорах были старшие товарищи – Яшин, Абрамов, Твардовский? Ведь известно, что Белов часто обсуждал с Шукшиным литературную жизнь страны, известных обоим писателей. Возьмем для подтверждения хотя бы фрагмент из воспоминаний шукшинского оператора Анатолия Заболоцкого «Шукшин в кадре и за кадром» – о поездке друзей в Тимонику: *Больше недели прожили мы в Тимонихе. Я был за повара. Топили баню. Морозило крепко. Поочередно грели бока на русской печке. Шукшин с Беловым говорили о Яшине, Абрамове, Твардовском и его журнале.*

Многие подробности о жизни писателей Шукшин узнавал от Белова, светские и «киношные» истории Белов – от Шукшина. Из письма Василия Макаровича: *Вот – вдруг – стали активно предлагать (начальство!) для кино и для театра «Две зимы...» Абрамова. На «Ленфильме» прямо навязывают одному режиссеру, а он не хочет... Что-то же случается там... Логику обнаружить трудно, а работать, видно, надо*⁵. Из письма видно, что друзья обсуждали историю многострадального текста Ф.А. Абрамова «Две зимы и три лета». Что там спрятано за этими многоточиями? Что Шукшин знал об Абрамове, что не знаем мы? Какой он видел дружбу Белова с Абрамовым?... Ему многие сердечные переживания и мысли были доверены Василием Беловым.

История взаимоотношений Василия Белова и Виктора Астафьева

Писатели познакомились за несколько лет до переезда Виктора Астафьева на Вологодчину. Знакомство произошло в Москве. (подробности встречи неизвестны). Первый и второй год учебы Белова совпал с обучением Виктора Астафьева и беловского земляка Сергея Викулова на Высших литературных курсах (1959–1961 гг.). Тогда слушатели курсов и студенты литинститута проживали в одном общежитии, что давало широкие возможности для неформального и тесного общения.

С творчеством Василия Белова Астафьев был хорошо знаком до переезда в Вологду, более того, он открыто говорил и писал о том, что эмоционально и глубоко воспринял его деревенскую прозу. В одном из пермских писем Астафьева к Белову в Вологду (1966 г.)⁶ есть такие строки: *Ох, Вася, ты, Вася! Си-*

жу вот и плачу, дочитавши твою горькую повесть [«Привычное дело»]. Как мне больно, если бы ты знал! А как больно было тебе, одному Богу известно. Большого ты сердца, человек. Дай тебе Бог много дней жизни, чтоб рассказал ты еще много о русских наших людях, о горькой судьбине ихней... Был бы близко, обнял бы тебя, родного человека...

Из письма к прозаику и ученому Александру Михайловичу Борщаговскому (от 8 августа 1967 года): *А вы читали ль в № 1 «Севера» повесть Васи Белова «Привычное дело»? Вот эта вещь меня потрясла, хотя и проста она, как земля. Очень советую прочесть, а то ее непременно замолчат в критике и ничего о ней не узнают люди. «Север»-то читает совсем мало народу* [4]. После этой цитаты сразу вспоминаются рекомендательные слова Фёдора Абрамова к Игорю Золотусскому, что приведены были выше: *Найди журнал «Север» и прочти повесть Белова «Привычное дело». Большой писатель на Руси идет.* Оба писателя, признав талант Василия Белова, в какой-то мере покровительствуя, на правах старших помогают беловскому произведению выйти к широкому кругу читателей.

На недавней встрече⁷ в музее-квартире Андрей Астафьев, сын Виктора Петровича, рассказал: *Беловым отец восхищался задолго до личного с ним знакомства. У них с мамой был давний обычай: он читал ей вслух – и свои тексты еще до публикации, и чужие, то, что его зацепило. Иногда и нам с сестрой удавалось его чтение послушать. И вот однажды папа читал «Привычное дело» – и помню, мне самому стало интересно: настолько образно написано, что очень хорошо себе эту жизнь представляешь. «Деревня Бердяйка», «За тремя волоками», «Плотничьи рассказы» – все это для отца было литературой высочайшей пробы* [18].

До переезда Астафьев не раз бывал в Вологде. Подтверждением тому служат найденные в Государственном архиве Вологодской области (далее – ГАВО) фотография 1964 г., сделанная в Вологде, и письмо конца 1968 г. Среди документов, связанных с дружбой В.И. Белова и В.П. Астафьева, хранится фотонегатив⁸ (на пленке), на котором запечатлен В.П. Астафьев. Снимок поступил на хранение из редакции газеты «Красный Север», дата съемки – май 1964 года, автор не указан. Фотографии, сделанные с данного негатива, достаточно известны. Они имеются в фотогалерее писателя. Однако именно место нахождения негатива (первоисточника бумажного позитива) может указывать на то, что писатель был сфотографирован на Вологодской земле. Скорее всего, Астафьев был в Вологде в мае 1964 года. Автором снимка мог быть Аркадий Кузнецов, работавший в 1964 году фотокорреспондентом в газете «Вологодский Комсомолец», затем в «Красном Севере». А. Кузнецов известен как фотохроникер вологодской писательской среды.

Известно, в июне 1968 года состоялась дружеская поездка писателей по Вологодчине. В письме

⁵ Рукописные листы писем хранятся в фонде Музея-квартиры В.И. Белова. Точная дата письма не установлена.

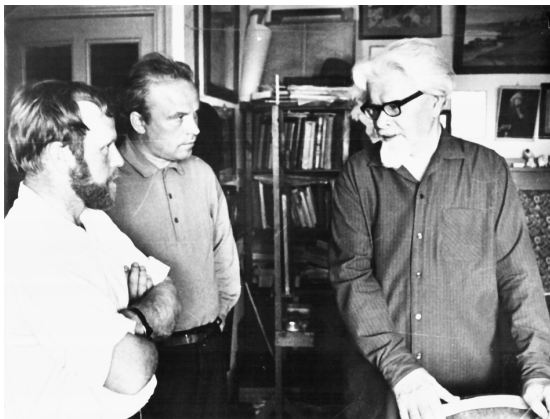
⁶ Из фондов РГБ (архивное дело писателя В.И. Белова).

⁷ Встреча состоялась 11 апреля 2019 года, накануне 95-летнего юбилея В.П. Астафьева.

⁸ ГАВО. Фонд «Коллекция фотодокументов». Ф. р-1394. Оп. 2НГ. Д. 10624.

В.А. Старикову от 1 сентября 1968 г. Астафьев пишет: *Ездил я в июне в Вологду (не знаю, писал ли об этом тебе). В хорошей компании – Фёдор Абрамов, Вася Белов, Женя Носов, Саша Романов и еще четверо интересных парней-художников прокатились от Вологды до Великого Устюга на пароходике, и это было самой большой отрадой в моей нынешней жизни, которая... как-то сделалась очень уж квялая и одинокая* [4].

В этой поездке писатели посетили знаменитого художника, мастера северной черни по серебру, заслуженного деятеля искусств РСФСР Евстафия Павловича Шильниковского. Позже Астафьев в дневнике напишет: *И вот довольный всем и жалкий в этой довольности, большой художник жаловался лишь на одно: «Мне всю жизнь не хватало среды. Я засох тут один». И я понимаю его. И надумал я покинуть Урал... Звали меня опять ребята в Вологду. И хорошие они ребята, и город приятный...* [4].

В.И. Белов, А.А. Романов, Е.П. Шильниковский, 1968 г.
(из фондов Музея-квартиры Белова)

После долгих размышлений, куда податься, в конце 1968 года В.П. Астафьев написал В.И. Белову⁹ на первый взгляд бытовое письмо, в котором Виктор Петрович отвечает Василию Ивановичу: *...и вот теперь только собрался тебе написать*. Однако в нем затронута важная тема из биографии писателя: переезд в Вологду.

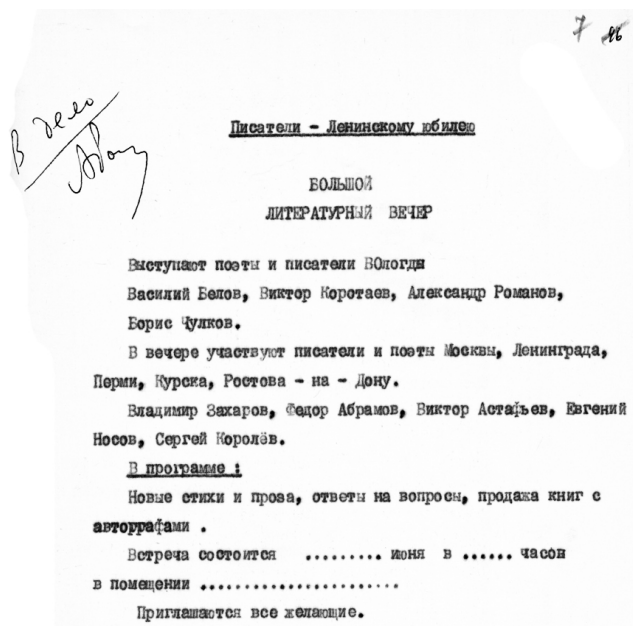
Что-то после поездки к Вам тошно мне тесно на этом индустриальном Урале, где Руси настоящей нет <...> Какой-то советско-эскимосской смеси народ живет <...> Решил я поехать к Вам, попробовать жить в исконной России.

Письмо вносит новые штрихи к биографии В.П. Астафьева. Обращение *к Вам* имеет не совсем прямое грамматическое использование: к Белову же он обращается на «ты», а это «к Вам», получается, дань большого уважения к конкретной группе лиц – к писателям-вологоджанам, с которыми был знаком Астафьев на тот момент времени и творчество которых ценил.

Не случайно Астафьев в письме вспоминает о летней поездке в Вологду. Что это была за поездка – рассказывают документы Вологодской областной пи-

сательской организации за 1968 год, хранящиеся в ГАВО.

В рамках подготовки к 100-летию юбилею В.И. Ленина летом 1968 года в Вологде был проведен агитационно-пропагандистский рейс писательской бригады на теплоходе по присухонским городам, где проводились литературные вечера. В писательской бригаде были известные писатели и поэты: В. Белов, В. Астафьев, Е. Носов, А. Романов, В. Коротаев¹⁰.

Документ из дела Вологодской областной писательской организации (из фондов ГАВО)

Кроме того, в Вологде в 1968 году был организован Большой литературный вечер «Писатели – Лениному юбилею» в рамках трехдневного творческого семинара молодых авторов¹¹. Участниками вечера были вологодские писатели (В. Белов, В. Коротаев, А. Романов, Б. Чулков), «писатели и поэты Москвы, Ленинграда, Перми, Курска, Ростова-на-Дону В. Захаров, Ф. Абрамов, В. Астафьев, Е. Носов, С. Королёв»¹². В этой поездке и произошло тесное общение Астафьева с вологодским писательским кругом, с теми, к кому – *к Вам* – он впоследствии и приедет.

Спустя почти полгода, в декабре 1968 года, Астафьев советуется с Беловым и одновременно пытается заручиться его поддержкой в случае приезда в Вологду: *Написал об этом Сашке¹³, да и с тобой хотел бы посоветоваться. Как ты-то на это дело смотришь? Как посоветуешь мне?* А в 1969 году писатель уже переезжает.

Из письма видно, что тяга у Астафьева к переезду была велика: *Уехать, я все-равно уеду куда-то, жить на Урале больше не могу и не хочу – если уж за 25 лет он не стал мне родным, дальше уж ждать нечего*. Важно ему было приехать к единомышленникам, к друзьям, среди которых самым близким человеком стал В.И. Белов.

¹⁰ ГАВО. Ф. 846. Оп. 1. Д. 83. Л. 10.

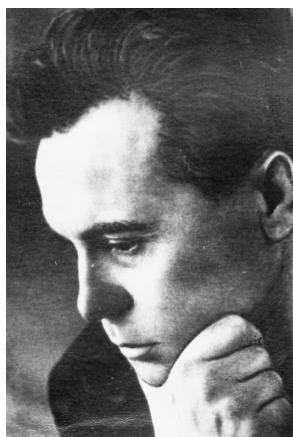
¹¹ Семинар проходил с 14 по 16 июня 1968 года.

¹² ГАВО. Ф. 846. Оп. 1. Д. 82. Л. 7.

¹³ Речь идет об Александре Романове.

⁹ Письмо от 15 декабря 1968 года. Ф. р-5134. Оп. 1. Д. 47.

«Исконно русская вологодская земля» пришлась Астафьеву по душе, «близкими» называл писатель и самих вологжан. Подтверждение этому мы находим в опубликованном письме 1969 года¹⁴: *Вот и выбрал я старинную Вологду, где есть друзья и еще пахнет Русью, близкой моему сердцу. Пока мне здесь хорошо. Народ тут простодушнее, добрее, и природа сохранилась, и тихо тут, неторопливо. Дали мне такую же точно квартиру, как в Перми, только получше построенную, на три метра поменьше, да это пустяки. Встретили меня хорошо и власти, и писатели.*

Профильный фотопортрет
В.П. Астафьева, 1964 г.
(из фондов ГАВО)

Отметим, что начавшаяся в конце 1940-х гг. работа по созданию мощной литературной организации в Вологде, а также политика Вологодского обкома партии, направленная на быстрое решение вопросов с предоставлением жилой площади, способствовала переезду в Вологду многих писателей. Астафьев в «Затесях» писал о тогдашнем секретаре Вологодского обкома А.С. Дрыгине: *...внимателен был к трудовому человеку, благоволил к интеллигенции, любил и берег одаренных людей. К примеру, всем писателям, нуждавшимся в жилье, по его распоряжению были выделены квартиры... В Вологду потянулись творческие люди со всех концов России, и здесь не сразу, но создавалась самая крепкая и дружная писательская организация.*

В начале 1970 года в жилищную комиссию при Вологодском облисполкоме от бюро Вологодской писательской организации за подписью Александра Романова было направлено письмо с просьбой о содействии в обмене квартиры члену Союза писателей СССР Виктору Петровичу Астафьеву. В 1971 году семья писателя переехала в благоустроенную 4-комнатную квартиру на ул. Ленинградская, дом № 26 [27]. В 2010 году на доме установлена памятная доска: *В этом доме в 1971–1980 гг. жил выдающийся русский писатель Виктор Петрович Астафьев.*

Виктор Петрович приехал в Вологду уже зрелым человеком, сложившимся писателем. Тогда уже печатался в столичных журналах, на его счету было не-

сколько крупных книг, публикация известных произведений, в том числе отдельные главы «Последнего поклона», повести «Перевал», «Стародуб», «Звездопад», «Кража», рассказы «Васюткино озеро», «Белогрудка», «Ясным ли днем».

Вологодский период в творческой биографии писателя ознаменовался выходом в свет повести «Царь-рыба», первых книг из Собрания сочинений в четырех томах (1979–1981 гг.), некоторых глав из книги «Затеси» (на вологодском материале), публикацией «Пастуха и пастушки», которую автор 14 лет «носил в себе».

Именно в Вологде Астафьев пробует себя в драматургии, пишет киносценарии (не без влияния В.И. Белова, тесно обравшегося в то время с В.М. Шукшиным и его товарищами). В репертуарах вологодских театров с успехом шли постановки его драматических произведений (пьесы «Черемуха» и «Прости меня»). По мотивам произведений писателя вышли художественные фильмы: «Сюда не залетали чайки» («Мосфильм», 1978 г.) и «Таежная повесть» («Ленфильм», 1979 г.). В этот период Астафьев стал Лауреатом Государственной премии РСФСР имени М. Горького за повести последних лет (1975 г.) и лауреатом Государственной премии СССР за книгу «Царь-рыба» (1978 г.)

В Вологде, – писал Астафьев в октябре 1969 года Евгению Носову, – я себя чувствую так, как будто из курной бани выбрался на студеной снежный воздух. Хороший в Вологде народ. И не только писательский. Я дважды был в Никольском районе. Какие бедные и добрые люди живут в глубинах этой исконной русской земли, чистые, душевные, и как с ними легко и просто! Хоть остаток жизни доживу среди людей, мне близких и понятных.

Вологда сдружила с Астафьевым известных Василия Шукшина и Анатолия Заболоцкого, многих вологодских поэтов и писателей – Николая Рубцова, Александра Романова, Василия Белова, Ольгу Фокину и т.д. В письме¹⁵ Астафьев отмечает: *А в Вологде действительно очень небольшая, но крепкая и дружная организация. Здесь живет превосходный прозаик Вася Белов, поэт Коля Рубцов (обязательно достань в библиотеке его сборник «Звезда полей»), Ольга Фокина, Саша Романов, и много на подходе интересных парней. Они понимают хорошо, что такое работа, и сидеть за столом не мешают.*

Виктора Астафьева относят к одним из влиятельных представителей вологодской литературной школы второй половины XX столетия. В Вологде он проводил семинары для молодых литераторов, писал отзывы на рукописи, помогал авторам опубликоваться в столичных журналах, давал свое писательское благословение начинающим. Образ самого писателя и атмосферу, царившую в те годы в Вологде, описал Виктор Коротав в повести «Козырная дама» (посвящена поэту Николаю Рубцову и последним трагическим дням его жизни) [14]. Повесть была опубликована в 1991 году. В герое книги Алексея Петровича Решетове, наставнике писателей и поэтов, просматриваются черты личности Виктора Петровича: *мудрый, смелый, большой человек, от его рассказов пахло окопной сы-*

¹⁴ Письмо В.П. Астафьева к А.М. Борщаговскому от 16 марта 1969 г. [4].

¹⁵ Письмо к «неустановленному лицу», 1969 год [4, с. 143].

ростью, морозным железом и горелым ружейным маслом.

Васе
Белову, которого
люблю и это
стало уже привы-
чкой. Вспоминаю
и часы бесконеч-
но далекого
Век не знаю.

В. Астафьев

В. Вологда - Переяславль.

Инскрипт В.П. Астафьева, 1968 г.

Васе Белову на память и с
любовью мои друзья Беловы.
В. Астафьев
г. Вологда - 1972 г.

Инскрипт В.П. Астафьева, 1972 г.

Виктор Астафьев последний поклон

Васе
Белову -
человеку без-
мерно родному
и по душе. Как
дружески, близ-
ко, с надеж-
дой на его радостное
долголетие и му-
жественное до-
стоинство.

В. Астафьев

Москва
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1989

март 1989 г.
Москва

Инскрипт В.П. Астафьева, 1989 г.

В.П. Астафьев
Вологда, кабинет писателя, 1970-е гг.
(из семейного архива Астафьевых)

После смерти Н.М. Рубцова в письмах Астафьева все чаще звучит тоска по Родине и родным ему крас-
ноярским местам, угнетает «вологодское болото». В 1976 году в письме Василию Юровским он призна-
ется: *Здесь я больше жить не могу – скверно, груст-
но, не родно!* В феврале 1980 года пишет Валентину Распутину со всей искренностью: *Одна отрада оста-
лась, мечтаю летом попасть в Сибирь и со временем
вовсе переехать. Я знаю – лучше не будет. Возмо-
жно, даже и хуже будет, но хочется верить, что воз-
дух Родины, ее виды, родня и прочая дребедень как-
то встряхнут, освежат* [4].

Похоронив «в мокрые комки вологодской глины»
отца он все острее ощущает «неуютность» и тоску:
*Никого более из стариков на свете не осталось,
только две тетки и дядя в Сибири. Надо ехать бли-
же к ним... раньше спасался от всего работой, сей-
час работать не могу...* [4].

Астафьев прожил в Вологде одиннадцать лет.
В июле 1980 года он вернулся на родину – *жить ос-
тается недолго, а хочется, чтобы похоронили меня
на родине* [7].

Виктора Астафьева и Василия Белова долгие годы
связывала крепкая дружба и единомыслие. Дружили и
их семьи. Дочь Астафьева Ирина часто прибегала к
Ольге Сергеевне Беловой поделиться своими секре-
тами, по словам вдовы писателя. Близкое общение
связывало жен писателей – Ольгу Сергеевну с Мари-
ей Семеновной. Писатели даже жили в Вологде неда-
леко друг от друга, предпочитали городской суете
отдых в Харовском районе Вологодской области –
Астафьев в приобретенном доме в деревне Сибле на
реке Кубене, Белов в известной всем Тимонихе.

Астафьев Белова выделял из всей когорты воло-
годских писателей, называя его *крепким, убористым
и честным писателем, цельным и устремленным*.
У Василия Ивановича в воспоминаниях находим об
Астафьеве: *Серьезный писатель. Я его книги высоко
ценю. Особенно язык, юмор. Мы друг друга хорошо*

знали. Нас в газетах и журналах всегда вместе объединяли – Белов-Распутин-Астафьев. Термин специальный выдумали – «деревенщики». Напрасно. Я давно против него борюсь. Есть одна характеристика – национальный писатель, поэт [8].

После отъезда Астафьева общение писателей не прерывалось, что отмечается и в воспоминаниях современников. Прозаик Анатолий Байборodin отмечал: Были Шукишинские литературные чтения, где Астафьев, Белов, Распутин, Личутин глаголом жгли сердца людей, проповедуя любовь к родному русскому народу... Вскоре русскоязычные литераторы обрушились с проклятиями на черносоптенный роман Василия Белова «Всё впереди», опять же, как и Астафьева, обвиняя выдающегося русского писателя в юдофобии. Виктор Петрович принародно, печатно поддержал старинного вологодского друга... [6].

Из воспоминаний Ольги Сергеевны Беловой, супруги писателя: Они были друзьями. Первое время жизни в Вологде очень дружили. А потом политика их развела... Вы знаете, как все это произошло глупо и нелепо. Я думаю, два медведя в одной берлоге не ужились [7, с. 70].

Действительно, в 1990-е годы между писателями возникло некоторое противостояние. В воспоминаниях современников, публичных высказываниях писателей на сегодняшний день не освещены подробности разлада прозаиков. Однако в ГАВО сохранилось письмо 1991 года¹⁶, в котором Белов без подробностей указывает на некоторые факты. Полностью приводим письмо, сохраняя особенности авторской орфографии.

Петрович! Я не хотел посылать тебе это письмо, но она¹⁷ настаивает... К тому же после того, что произвел Евтушенко, после твоего вояжа по командировке Пенклуба¹⁸, мое к тебе уважение сильно поколеблено. Бог тебе судья! Белов. 5.IX.91¹⁹.

О своем расхождении с Беловым сам Астафьев упоминает в письме в редакцию «Литературной газеты» от 20 ноября 1991 года: Что касается «доброжелателей», вдруг обрадовавшихся нашему якобы с Распутиным и Беловым расхождению в жизни и творчестве, то и фронтовые мои друзья, и бывшие содетдомовцы, еще оставшиеся в живых, могут подтвердить, что товарищей и друзей своих я никогда не предавал и не оставлял в беде. А друзья по литературе, есть у меня и такие, подтвердят, что я не разучился уважать убеждения других людей, как бы они ни расходились с моими, и умею бережно относиться к ранимому сердцу любого художника, где бы он ни жил, какой бы национальности ни был и какой бы характер ни имел. После смерти Астафьева Белов сожалел о том, что так и не помирился с Виктором Петровичем: Сейчас уже Виктора Петровича нет, и думаешь, надо ли было так конфликтовать?... (см. кн. В.П. Корюкаева).

¹⁶ Ранее опубликованное в книге М.В. Сузова [28].

¹⁷ Нам не известно, о ком речь.

¹⁸ Речь о ПЕН-клубе – международной правозащитной организации, в которую входили профессиональные писатели, поэты и журналисты. Главная сфера деятельности ассоциации – защита писательских прав, борьба с цензурой, борьба за свободу слова, свободу личности.

¹⁹ ГАВО. Ф. 5134. Оп. 1. Д. 23.

Слева корреспондент западногерманской телерадиокомпании Фриц Пляйтген, посередине В.П. Астафьев с девочкой, справа жены писателей, д. Тимониха, Вологодская область, 1970-е гг. (из фондов Музея-квартиры Белова)

В библиотеке Музея-квартиры В.И. Белова хранится порядка полутора десятка книг В.П. Астафьева, девять из которых подписаны автором. Часть подписей датированы вологодским периодом.

Семьи писателей д. Тимониха, Вологодская область, 1970-е гг. (из фондов Музея-квартиры Белова)

Тексты приведенных автографов из музейной коллекции отчетливо показывают, насколько дружественными и теплыми были их отношения в период с 1968 по 1989 годы.

Приведем полностью тексты инскриптов²⁰:

1. «Васе Белову, которого люблю и это стало уже привычным делом. И чтобы весь наш век так было. В. Астафьев. г. Вологда – Пермь, 68 г.» («Кража. Где-то гремит война. Повести», 1968 год);

2. «Васе Белову – жителю Тимонихи, от беженца из Овсянки мою самую добрую книжку о самом дорогом с дружескими чувствами. В. Астафьев. г. Пермь, 68 г.» («Последний поклон», 1968 год);

3. «Васе Белову – дружески, с любовью. В. Астафьев 1970 г.» («Кража», 1970 год);

4. «Васе Белову на память и с любовью мои разные байки. [подпись В. Астафьева] г. Вологда, 1972 г.» («Затеси», 1972 год);

5. «Василей Иванович! давай, брат, работай, а для хандры еще будет старость. Желая тебе доброго

²⁰ Сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

здоровья и лада душевного! [подпись В. Астафьева] 4 марта 1977 г. Вологда» («Повести», 1977 год);

6. «Василию Белову, мою самую большую боль и любовь о том, что уже к нам, увы, не вернется! В. Астафьев г. Вологда, март 1979 г.» («Последний поклон», 1978 год);

7. «Василию Белову на Вологодчину, с Енисея поклон и самые добрые чувства от автора написавшего статью и не одну в его родном уголке, тихом, пустынном и приветливом. Приспела пора не только подводить итоги, но и оборонять свои позиции, свое достоинство и нацию, в меру наших возможностей. Делать это надо объединенно и все мелкие дела и посторонние делишки отложить «напотом» – всегда можешь опереться на мое плечо. 30 ноября 1986 г. В. Астафьев». По вертикали добавление на странице: «P.S. Здесь, в этой книжке стоит прочесть одну только статью, «и все цветы живые» ради нее и писалась мною эта книжка...» («Всему свой час», 1985 год);

8. «Василию Белову, от автора, взявшего хороший разгон на вологодчине и написавшего эту книгу уже на Родине, в любимом селе. От всего сердца! В. Астафьев» («Жизнь прожить», 1986 год);

9. «Василию Белову человеку безмерно родному и по Руси нашей братской, близкому, с надеждой на его рабочее долголетие и мужицкое долготерпение. [В.Астафьев] Март 1989 г. Москва» («Последний поклон. Том I», 1989 год)²¹.

В заключение следует сказать, что многие факты дружбы писателей остаются за рамками данного исследования, многое пока остается нерасшифрованным. Одно очевидно: и Астафьев, и Абрамов были значимой частью того самого «единомышленного братства» Белова, которое не только помогло писателю стать значимой фигурой своего времени, оно формировало национальное самосознание народа, культурную атмосферу страны, литературное направление «деревенская проза».

Литература

1. Абрамов, Ф. А. Деревенку зовут Тимониха / Ф.А. Абрамов // Север. – 1982. – № 10. – С. 91–95.
2. Абрамов, Ф. А. Так что же нам делать? (Из дневников, записных книжек, писем. Размышления, сомнения, предостережения, итоги) / Ф. А. Абрамов ; составление Л. В. Крутиковой-Абрамовой. – Санкт-Петербург : Журнал Нева, 1995. – 112 с.
3. Архиепископ Песоченский и Юхновский Максимилиан. Услышат ли люди Белова? / Архиепископ Песоченский и Юхновский Максимилиан // Василий Белов. Воспоминания современников / составитель А. Н. Грешневилов. – Москва : Книжный мир, 2018. – С. 12–29.
4. Астафьев, В. П. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник 1952–2001 / В. П. Астафьев ; составитель, предисловие Г. Сапронова. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.
5. Астафьев, В. П. Затеси. Из тетради о Николае Рубцове / В. П. Астафьев // Новый мир. – 2000. – № 2. – С. 7–36.
6. Байбородин, А. «Поле брани Виктора Астафьева». – Текст : электронный / А. Байбородин // День литературы. –

2017. – Режим доступа: <https://denliteraturi.ru/article/2734> (дата обращения: 27.11.2019).

7. Белов, В. И. Воспоминания современников / В. И. Белов ; составитель А. Н. Грешневилов. – Москва : Книжный мир, 2018. – 638 с.

8. Грешневилов, А. Н. Хранитель русского лада / А. Н. Грешневилов. – Рыбинск : Рыбинское подворье, 2006. – 440 с.

9. Грешневилов, А. Н. Сто сорок писем Василия Белова / А. Н. Грешневилов. – Москва : Книжный мир, 2019. – 419 с.

10. Горышин, Г. Жребий. Рассказы о писателях / Г. Горышин. – Ленинград : Советский писатель, 1987. – 320 с.

11. Елесин, В. Русские судьбы. Раздумья над автографами / В. Елесин // Наш современник. – 2001. – № 10. – С. 147–186.

12. Заболоцкий, А. Д. Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора / А. Д. Заболоцкий. – Москва : Альпари, 1999. – 254 с.

13. Золотусский, И. П. Непривычное дело / И. П. Золотусский // Василий Белов. Воспоминания современников / составитель А. Н. Грешневилов. – Москва : Книжный мир, 2018. – С. 269.

14. Коротаев, В. В. Козырная дама: (Почти докум. повесть с эпилогом о том, как убили поэта Н. М. Рубцова) / Виктор Коротаев. – Вологда : ИЧП Крис-Кричфалуший, 1991. – 303 с.

15. Корюкаев, В. П. Самородок из Тимонихи : жизнь и творчество Василия Белова / В. П. Корюкаев. – Вологда, 2006. – 312 с.

16. Крупин, В. Н. Море житейское / В. Н. Крупин ; ответственный редактор О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2016. – 752 с.

17. Крутикова-Абрамова, Л. Дом в Верколе. Документальная повесть / Л. Крутикова-Абрамова. – Ленинград : Советский писатель, 1988. – 372 с.

18. Культура в Вологодской области. – URL: <http://cultinfo.ru/interview/interview-of-2019/interview-of-andrey-astafiev.php> (дата обращения: 27.11.2019). – Текст : электронный.

19. Кучкина, О. Странная литература: заметки критика / О. Кучкина // Правда. – 1986. – 2 ноября.

20. Личутин, В. В. Размышления о русском народе / В. В. Личутин. – Москва : Институт русской цивилизации, 2013. – 576 с.

21. Носов, Е. И. Путь к истоку. (Слово о моем друге) / Е.И. Носов // Белов В. И. Бобришный угод. – Москва : Детская литература, 1988. – С. 5–14.

22. Петров, А. В. «Ощущение полного духовного родства»: Василий Белов и Фёдор Абрамов / А. В. Петров // Беловский сборник. Вып. 4. / Союз писателей России ; Администрация г. Вологды ; Вологодский государственный университет. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2018. – С. 22–27.

23. Письма В. П. Астафьева к В. И. Белову 1965–1967, 1986 гг. из фондов отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

24. Распутин, В. Г. Его сотворенное поле. О Фёдоре Абрамове / В. Г. Распутин // Распутин Валентин Григорьевич. У нас остается Россия. – Москва, 2015. – С. 137.

25. Слово Астафьева. Встречи, которых ждут. [Текст первого интервью В.П. Астафьева на областном ТВ в 1970 г.] // Литературный маяк: газета. – 2019. – № 5 (255). – С. 9–10.

26. Сазонов, Г. А. Сияние слова Василия Белова: встречи, беседы, воспоминания / Сазонов Г. А. – Вологда : Интеллиформ, 2019. – 367 с.

27. Столетова, А. С. Взаимоотношения писателей и местной власти в Архангельской и Вологодских областях в 1950–1960-х гг. / А. С. Столетова // Вопросы территориального развития. – 2014. – Вып. 6 (16). – С. 1–9.

28. Суров, М. В. Белов. Штрихи великой жизни / М. В. Суров. – Вологда, 2007. – 742 с.

²¹ Соответственно фондовые номера: КБИАХМЗ МКБ КП-615, КП-588, КП-1393, КП-2768, КП-591, КП-602, КП-2844, КП-2810, КП-2279.

OUTSTANDING PEOPLE'S FRIENDSHIP: VASILY BELOV, FYODOR ABRAMOV, VICTOR ASTAFIEV

The article tells about the friendship between Vasily Belov, Fyodor Abramov and Victor Astafiev, outstanding Russian writers, representatives of village prose. The article is based on their letters, memoirs, archival documents, and the papers of the Belov Apartment Museum. Some of the documents are introduced for the first time.

Vasily Belov, Victor Astafiev, Fyodor Abramov, archive, literature museum, the Belov Apartment Museum, Russian writer, village prose, archival document, museum collection.